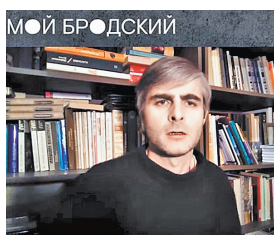

юбиляры-2020

Бог сохраняет все...
Актеры МХАТ им. Горького читают Бродского

МХАТ им. Горького подготовил специальную программу к 80-летию со дня рождения Иосифа Бродского. Это живой разговор о современной культуре, языке, поэзии и театре: прозвучат диалоги о Бродском, высказывания исследователей его творчества и, конечно же, его стихи. Участниками поэтического марафона станут известные современные поэты и актеры МХАТ им. Горького. Главная сцена, 8 июня, 21.00.

Ссылка обязательна

Поезд «Москва—Воркута» прибывает в Коношу утром. Я выбрался из вагона и оглянулся по сторонам

ПЕРСОНА

✍ Юрий Лепский

Так, ничего особенного: ранняя весна, грязь, снежок, двухэтажное здание вокзала вдалеке. На перроне пусто. Однако меня встречали. Шофер помог дотащить сумку до машины. По лужам и ухабам мы добрались до здания районной газеты «Коношский курьер». Когда-то она называлась иначе — «Призыв» — и была знаменита тем, что напечатала аж два стихотворения Бродского. Он сам принес их тогдашнему редактору. Редактор «Призыва» совершил довольно смелый поступок, ибо автором этих стихов был тунейдец, находившийся в Коношском районе на принудительных работах по решению суда Дзержинского района города Ленинграда.

Спустя полвека ваш покорный слуга получил из Коноши приглашение на открытие первого в России музея поэта Иосифа Бродского в деревне Норинской Коношского района Архангельской области. Приглашение было с благодарностью принято, и вот теперь я иду по этим «бродским» местам в сопровождении опытного экскурсовода Надежды Ильиничны Гневашевой — заведующей туристическим центром районной библиотеки.

На следующий день мы с Надеждой Ильиничной отправились в Норинскую, где последовательно осмотрели дом Пестеревых, в котором, собственно, и жил Бродский, который и представляет собой первый музей, ему посвященный. Там в чистенькой светелке был накрыт стол с пирогами и прочей снедь: на открытие дома-музея ждали губернатора Архангельской области. И куда губернатор был в пути, мы осмотрели дом Таисьи Ивановны Пестеревой, где поэт проживал в течение первых двух недель в Норинской. Этот замечательный старый дом купили бизнесмены Елена и Анатолий Мальцевы, тоже поклонники Бродского. Осматривая все это, я наткнулся на одну из многочисленных ссылок, выставленных здесь: «Иосиф Александрович вспоминал о Норинской: «Это был один из лучших периодов в моей жизни. Бывали и хуже, но лучше, пожалуй, не было».

Всё, подумала, пора выйти подышать свежим воздухом. Я покинул дом-музей, прошел до шоссе мимо гигантского транспаранта «Норинская. Вдохновение Бродским», выбрался на середину пустынной дороги и огляделся. Вокруг беззвучно замер пейзаж умершей деревни, развалившимися домами, покореженными постройками, назначение которых теперь угадывалось с трудом. Три дома, превращенные в музеи, стояли среди этого кладбища странными островами. Когда сюда приехал Бродский, здесь было сорок домов с людьми, совхоз, телятник и ферма. Деревня была живой. Теперь совхоза нет, нет и людей, разрушились дома, покинутые хозяевами...

Над Норинской сгустились тучи, резко похолодало, повалил снег, что еще более усугубило печаль этого пейзажа. И вдруг на въезде в деревню раздалось характерное покрякивание и на приличной скорости в эту заглохшую небыть въехала бодрая машина ГИБДД, затем джип охраны с мигалкой и затем лимузин губернатора. Торжественное открытие музея Иосифа Бродского начиналось.

В какой-то момент мне захотелось сильно ущипнуть себя, чтобы прервать этот странный сон. Что, собственно, торжест-

венно и радостно мы здесь открываем, спросил я себя: дом, куда Бродский приезжал творить, уединившись от городской суеты, или позорный для моего Отечества факт ссылки большого поэта, его изощренное унижение ярлыком «тунейдец», психушкой, несправедным судом, тюремным заключением, принуждением к физическому труду, ограничением свободы? Что? И почему ни в библиотеке его имени, ни в доме-музее, ни в Норинской, ни в Коноше нет поразительных по степени хамства и неве-

В какой-то момент
мне захотелось сильно
ущипнуть себя,
чтобы прервать
этот странный сон

жества протоколов его допросов в Ленинградском суде? Думаю, ответ на этот вопрос — в замечательной мемориальной доске, прикрепленной к стене Коношского вокзала: «Сюда осенью 1964 года прибыл в ссылку поэт, лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский». В этой «памятной» надписи почти все неправда. И главная ложь в том, что «осенью 1964 года» сюда прибыл не поэт, а осужденный тунейдец, и не лауреат Нобелевской премии (он получит нобелевку только через двадцать три года), а «окололитературный трутень». Я понимаю, помнить именно об этом как-то не хочется. Но помнить надо именно об этом. Как нельзя забывать, что Михайловское — место позорной ссылки великого Пушкина, а Воронеж — унижение ссылочного Мандельштама. Что Якутская слобода Амга будет вечно «знаменита» ссылочным Владимиром Короленко, сибирский Илимск — шестилетней ссылкой Александра Радищева,

а деревня Пинега в той же Архангельской губернии «прославлена» ссылкой Александра Грина. Как нельзя забывать, что ярлык ссылочного был приклеен навечно и к гениальному Достоевскому...

Вот что неплохо бы помнить, не забывать. Иначе, не приведи господь, снова поедут в «отдаленные местности» тунейдцы, без соответствующего образования возмнившие себя поэтами. Вот уже в разогретых политической головах возникают инициативы о возвращении статьи «за тунейдство» в нашу повседневную жизнь. Я рад бы ошибиться, но мне кажется, что с судьей Савельевой многие согласились бы и сегодня...

Ну а что же с Коношей и Норинской? Ну, во-первых, я уверен, что надобно сказать огромное спасибо всем, кто и в Коноше, и в Норинской читает и любит Бродского. Это усилиями их умов, душ и умений здесь реально существует светлое облако уважения, знания и понимания подлинной поэзии. Прекрасные стихи Бродского учат коношские дети, осваивают взрослые, уважают местные чиновники. Спасибо тогдашнему губернатору Архангельской области Игорю Орлову за то, что помог в создании музея.

Здесь мне рассказали замечательную историю. Однажды в Коноше что-то случилось со светом (в смысле свет погас). И вот возмущенные жители стали звонить начальнику местных электросетей Александру Николаевичу Забродину и требовать ответа. Знаете, что отвечал на справедливые претензии граждан Александр Николаевич? Он говорил: «Вот вы возмущаетесь, а знаете, что Иосиф Александрович Бродский восемнадцать месяцев жил у нас без света — и ничего, стал гениальным поэтом». Мне представляется весьма сомнительным, что хоть один из начальников районных электросетей Подмосковья, например, знает, кто такой Бродский. А уж как его звали по имени-отчеству... Вот поэтому я с уважением и благодарностью отношусь к коношанам: сегодня по части знания Бродского и о Бродском они дадут сто очков вперед любой столичной штучке.

Ну и наконец, о главном — о Бродском. Сюда к нему приезжали друзья, приезжала любимая. Но что он чувствовал, оставаясь один вечерами за столом со свечей или керосинкой? В одном из интервью он рассказал об этом так.

«Я выполнял всю физическую работу, которую обычно называют черной. При этом я воображал себя героем одного из стихотворений Роберта Фроста — и это мне нравилось. А если говорить всерьез, я был тогда городским парнем и, если бы не эта деревенька, им бы и остался. Возможно, я был бы интеллектуалом, читающим книги, — Кафку, Ницше и других. Эта деревня дала мне нечто, за что я всегда буду благодарен КГБ, поскольку, когда в шесть утра идешь по полю на работу, и встает солнце, и на дворе зима, осень или весна, начинаешь понимать, что в то же самое время половина жителей страны, половина народа делает то же самое. И это дает прекрасное ощущение связи с народом. За это я безумно благодарен — скорее судьбе, чем милиции и службе безопасности. Для меня это был огромный опыт, который в каком-то смысле спас меня от судьбы городского парня».

Он был здесь полтора года, не оставив после себя ничего, кроме доброй памяти людей, с которыми был знаком, да замечательных стихов. Его гонители не оставили ни того, ни другого, ни здесь, ни в других местах. К несчастью или к счастью — это типичный результат, повторяющийся в родном Отечестве как припев в бесконечной песне, возвращающийся как мелодия в рондо: человеческий и творческий масштаб ссылочного всегда грандиозен по сравнению с антомологическими размерами сославшего его.

Теперь этот музей позволяет вспомнить и тех, и других. Главным образом, конечно, поэта. Что замечательно. Жаль только, что, как и любая канонизация, эта ставит точку в человеческой истории, которая тут разыгралась когда-то. Бродский, словно предвидев всё, спустя десять лет после ссылки написал: «А зимой там колют дрова и сидят на репе, / и звезда моргает от дыма в морозном небе. / И не в ситцах в окне невеста, а праздник пыли / да пустое место, где мы любили».